

Dovgan O. V. Sociocultural factors in the functioning of meaning in a literary text.

The article considers sociocultural factors in the functioning of meaning in the literary text, describes specifics of this process in the context of absurd literary texts.

Keywords: meaning, meaning of literary text, sociality, social meaning.

И. П. Зайцева

Национальный педагогический университет

имени М. П. Драгоманова

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДЕТЕКТИВНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: КОМПОЗИЦИОННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И ИНДИВИДУАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье предлагается интерпретация детективных произведений популярной современной писательницы Александры Марининой с позиций направления, сформировавшегося на этапе новейшего лингвистического знания: коммуникативной стилистики художественного текста. Приведённый иллюстративный материал подтверждает целесообразность и перспективность применённого для анализа художественных текстов подхода, с помощью которого не только создаётся возможность для более глубокого и многообразного восприятия коммуникативного процесса, но и выявляются характерные особенности авторского идиостиля.

Ключевые слова: коммуникация, элементы коммуникативного процесса, адресат, функциональная стилистика, идиостиль.

Со второй половины XX столетия проблемы коммуникативной лингвистики (теории речевой коммуникации) очевидно входят в число наиболее актуальных для языковедческой науки, а в последующие десятилетия, вплоть до современного периода, внимание к ним не только не снижается, но и постоянно растёт, что обусловлено целым рядом факторов (подробнее см. об этом в работах: [1; 4; 8]). Безусловно, такое внимание к коммуникативистике, к отдельным компонентам коммуникативного процесса и его различным разновидностям, не могло определённым образом не повлиять на характер изучения языка литературно-художественных произведений разных жанров, на подходы к анализу художественной речи в принципе. Так, на рубеже XX и XXI столетий наметилось и сразу же получило активное развитие “новое направление современной функциональной стилистики, формирующееся на стыке с другими науками, комплексно изучающее целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля. Комплексное изучение текста в данном случае предполагает **исследование лингвистических и экстралингвистических факторов общения, связанных с порождением текста и его интерпретацией**” (выделено мною. – И. З.) [2, с. 157].

Анализ современных произведений художественной словесности в аспекте коммуникативной стилистики видится весьма перспективным и целесообразным как минимум по двум причинам. Во-первых, комплексное – объединяющее лингво-коммуникативный и функционально-стилистический подходы – изучение ткани словесно-художественных структур по определению расширяет возможности для более глубокого и тщательного истолкования всех их компонентов, в том числе и представленных в эстетически осложнённом виде составляющих речевого коммуникативного процесса, позволяет в результате своего рода “перекрёстного” интерпретирования полнее выявить разнообразные характеристики художественной речи конкретного литературного произведения (как коммуникативно-прагматические, так и семантико-стилистические), в том числе и более “выпукло” представить семантические и ассоциативные связи, формирующиеся непосредственно в текстовой структуре.

Во-вторых, осмысление затекстовым адресатом (читателем) коммуникативно-речевых процессов (во всём многообразии их компонентов) рассматриваемого словесно-художественного произведения при соответствующих условиях может происходить более эффективно, нежели в других функционально-стилистических речевых сферах (этому, в частности, способствует образно-речевая конкретизация воплощаемых в художественном дискурсе фактов), что, в свою очередь, предопределяет и более качественное усвоение воспринимающей стороной законов и правил коммуникативно-речевого поведения в принципе.

Александра Маринина сегодня, несомненно, принадлежит к числу самых востребованных читателем авторов: подтверждением тому служат не только весьма солидные – особенно с учётом значительного сужения сферы книжной культуры – тиражи произведений писательницы, но и постоянно проявляемый к ним исследовательский интерес (весьма знаковым событием в этом плане видится, например, выход в 2002 году антологии “Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности” [11], составленной по материалам одноимённой конференции, которая была проведена годом раньше Институтом славяноведения в Париже). Во-вторых, детективное творчество Марининой, которое хотя и не оценивается критиками абсолютно однозначно, но всё же существенно отличается от весьма значительного корпуса современных литературных произведений, где авторы ориентируются “на аудиторию, для которой характерно тяготение к низкому, отсутствие ценностного отношения к языку, отсутствие анализма при восприятии конкурирующих речевых вариантов, безразличное или агрессивное отношение к общекультурным традициям” [3, с. 106], т. е. потакание авторами низменному, или “конъюнктурному”

(В. Г. Костомаров) языковому вкусу, результатом чего становится появление “низового слоя” текстов массовой литературы.

Александр Маринину исследователи чаще относят к представителям того слоя массовой литературы, которая соответствует среднеречевой, по определению О. Б. Сиротининой [8, с. 95], культуре автора (см. об этом, например, в уже упоминаемой работе Л. П. Быкова и Н. А. Купиной [3]). На наш же взгляд, опираясь на предложенную авторами классификацию, правомернее было бы квалифицировать детективное творчество А. Марининой как находящееся *между первым и вторым из выделенных “слоёв” литературы*: “соответствующим высокому уровню языковой компетенции автора, граничащий с литературной беллетристикой” (первый) и “соответствующим среднелитературной речевой культуре автора”, составляющим “ядро текстового массива” современной литературы (второй) [3, с. 106], поскольку даже фрагментарный анализ, выполненный в русле заявленного в настоящей публикации подхода, позволяет утверждать, что писательница постоянно уделяет внимание повышению эффективности коммуникативного процесса (естественно, добиваясь поставленных целей разными способами и приёмами) и, соответственно, совершенствованию языковой (а также коммуникативной и речевой) компетенции читателей.

На наш взгляд, в большинстве случаев избранная А. Марининой линия взаимодействия с читателями свидетельствует об ориентации не только на среднелитературную языковую личность, но и на языковую личность, которая как минимум *стремится приблизиться к более высокому уровню собственной коммуникативно-речевой языковой компетенции*.

В некоторых случаях А. Маринина **прямо декларирует** собственное отношение к значимости для личности языковой (речевой) компетенции – как, например, при характеристике одного из персонажей (владелицы СПА-салона) романа “Ангелы на льду не выживают”: ***“Владелица СПА-салона, в котором до своей смерти работала Галина Носуленко, выглядела элегантно и ухоженно, производя впечатление деловой и состоятельной дамы. Однако впечатление это сохранялось ровно до того момента, как она открывала рот. Стоило ей заговорить – и перед оперативниками оказалась простая дворовая девчонка, не пренебрегающая ненормативной лексикой и так и не изжившая фриктивного “г”.***

– Галя каталась в той же спортшколе, где Коля тренировал, но в группе взрослых, у Коли-то ребята были помладше. Ой, она Кольке нравилась – просто жуть, – охотно поведала она. – Ну а Галка со своей стороны жуть как хотела выйти за него замуж. Они крутили года два, пока он не дозрел. Галка рвалась замуж за москвича, чтобы пристроиться как-то, она ж приезжая. Платить за съемную хату дорого. Ну и вообще... В спорте у неё не особо получалось, короче, карьере не сделала, денег не

заработала, а надо же как-то жить дальше. Вот она Кольку и взяла в оборот. А чего? Он тренер, симпатичный такой, денег, конечно, не бог весть сколько, но зато с жильём, так что можно зацепиться для начала, а потом дальше двигаться. Я сама такой же путь проделала, Галя с меня пример брала, мы с ней когда-то одну хату на двоих снимали, но она тогда только-только приехала, а я уже после первого развода была. Ну, короче, Галка вышла за Колю замуж, сначала вместе с ним работала, он ее к себе в группу вторым тренером взял, потом увидела, что доход не тот, и пошла на курсы массажистов. Я к тому времени уже второй раз замужем была, муж мне этот салон купил, и я Галку к себе устроила. А чего подруге не помочь? Плачу я хорошо, и клиенты у нас богатые, чаевые большие оставляют, так что жаловаться на жизнь ей не приходилось” (выделено мною. – И. З.) [4, с. 146-147].

Авторский акцент на несоответствии внешнего вида изображаемого персонажа и его речевого портрета, предшествующий обширной реплике, более чем убедительно подтверждается собственно фрагментом речи “владелицы СПА-салона”, в котором присутствует множество сниженных слов и выражений (*жуть как хотела выйти замуж; они крутили* (‘были в близких отношениях’) *года два, пока он не дозрел* (‘не принял нужного для партнёрши решения’); *рвалась замуж за москвича, чтобы пристроиться как-то; съёмная хата* и др.); обнаруживается немало синтаксических конструкций не только разговорного (*Вот она Кольку и взяла в оборот; Он тренер, симпатичный такой, денег, конечно, не бог весть сколько, но зато с жильём, так что можно зацепиться для начала, а потом дальше двигаться* и под.), но и сугубо просторечного свойства (*Ой, она Кольке нравилась – просто жуть; А чего? А чего подруге не помочь?*); встречаются и явно избыточные лексические элементы, “не несущие в тексте смысловой нагрузки и засоряющие речь” – так называемые слова-паразиты (*в спорте у нее не особо получалось, короче, карьеру не сделала*). Примечательно, что А. Маринина дополняет складывающийся на основе собственно речи персонажа портрет ещё одним штрихом, который может быть передан лишь в устной форме речи – в предваряющей высказывание ремарке указывается на фонетическую особенность речи персонажа: фриктивное “г”, которое изображаемой носительнице языка так и не удалось “изжить” (на наш взгляд, это еще одно свидетельство внимательного отношения автора к речевым характеристикам своих персонажей).

Это же внимание к своеобразию речевых портретов персонажей, прежде всего – к индивидуальным речевым особенностям, к “изюминкам”, придающим речи индивидуумов неповторимость и уникальность, наблюдаем и в других произведениях писательницы. Вот как, к примеру, выглядит в

восприятти Насти Каменской (пожалуй, самой известной героини детективов Марининой) речь одного из ее коллег:

“– Это не мне, – осторожно встряла Настя, – это Вавилову, брату жены Богомолова.

– Ну и чёрт с ним, – сердито отозвался Блинов. – Всё равно для порядка надо и в театре информацию собирать, хотя, на мой взгляд, это пустой номер. Ещё один опер с территории разрабатывает линию убийства из хулиганских побуждений и шерстит местную шпану. Зарубин помогает мне с деловыми отношениями, а ты с пацанёнком сиди в театре, может, научишь его уму-разуму. И посмей только скрыть от меня хоть одно слово, хоть самый маленький фактик, я тебя урою по самое не балуйся, а у Стасова твоего лицензию отнимут. Ты никто, звать тебя никак, и полномочий у тебя никаких нет. Поняла, сыночка?

– Поняла, папаня, – засмеялась Настя.

Надо же, она ведь совсем забыла эту его смешную приговорку, а ведь когда-то, впервые услышав sacramентальное “Поняла, сыночка?”, да ещё с ударением на первом слоге, она долго смеялась, а потом ещё несколько дней фыркала, вспоминая слова следователя Блинова. И ведь не так много времени прошло с тех пор, как они в последний раз вместе работали по делу, всего-то года полтора, а уже всё забыто, и кажется, что это было в какой-то совершенно другой, прошлой жизни” (выделено мною. – И. З.) [5, с. 47].

Александр Маринину, по нашим наблюдениям, отличает и пристальное внимание к разнообразным деталям протекающего между персонажи её произведений процессов речевого общения: ситуации общения; разного рода невербальным средствам, используемым коммуникантами наряду со словесными; каналам передачи информации и т. д. Так, в приводимом ниже фрагменте в диалоге между персонажами романа “Ангелы на льду не выживают” Антоном Сташисом и Романом Дзюбой роль невербальных средств коммуникации (мимики, выражения глаз, молчаливых действий одного из коммуникантов) в передаче информации оказывается ничуть не менее значимой, нежели средств словесных:

“– Как погиб Носуленко? – спросил Антон. – Убийство?

– Ганджумян говорит – автокатастрофа. Но он не может не знать, что произошло на самом деле. Надо уточнять.

– Ну так уточняй, чего ты сидишь!

Дзюба обиженно засопел и полез в компьютер.

“Чего я на него взелся? – осадил себя Сташис. – Веду себя как капризная бабенка, поддаюсь собственному настроению. Если окажется, что Носуленко был убит, то вырисовывается хорошая цепочка. Конфликт с Ганджумяном – покушение на него, конфликт с тренером – убийство. Ведь

Власов не мог не обвинять Носуленко в том, что его ученика, талантливого спортсмена, отчислили из группы. Он не мог не понимать, что тренер и отец Вардана сговорились. Понимал, конечно, иначе не пришел бы к Ганджумяну скандалить. А до этого, наверное, и с Носуленко отношения выяснять пытался. Всё сходится на Власове... Нет, не всё. Не сходятся Болтенков и Ефимова, на моменты их смерти у Власова алиби. Два против двух. Пятьдесят на пятьдесят. Чёрт знает что!"

– Поехали к Баглаеву, – скомандовал он. – Надо ему рассказать про Ганджумяна. Он должен быть в курсе, потому что нам нужно знать, что скажут баллисты по пуле и гильзе. И смотри, лишнего не болтай, чтоб Баглаев про наши подвиги не узнал. Все понял?

Дзюба ничего не ответил. Даже не кивнул в знак согласия. Молча выключил компьютер и только полоснул Антона пронзительным взглядом голубых глаз. В этих глазах не было ни злобы, ни ненависти. В них было непробиваемое, как ледяные торосы, упрямство" [4, с. 131 – 132] (выделено мною. – И. З.).

Приведенный фрагмент демонстрирует ещё одну характерную для детективных произведений А. Марининой особенность, обусловленную прежде всего выраженным психологизмом творчества писательницы: нередко герои её романов, особенно главные, ключевые персонажи, рефлексируют по поводу собственных высказываний – анализируют уже произнесенное, ретроспективно его оценивают (часто по несколько раз) и т. д. В рассматриваемом диалоге подобные действия совершает Антон Сташис – они зафиксированы в его довольно объемном внутреннем монологе, “вмонтированном” автором в диалог Сташиса с Дзюбой: “*Чего я на него взъелся? – осадил себя Сташис. – Веду себя как капризная бабёнка, поддаюсь собственному настроению*”.

В детективах А. Марининой, с нашей точки зрения, в той или иной степени уделяется внимание практически всем из экстралингвистических факторов общения, которые попадают в исследовательское поле коммуникативной стилистики художественного текста. Конечно, чаще всего в подобных случаях автор выражает (причем как в собственно авторской, так и в персонажной речи) не научную точку зрения, а позицию, условно говоря, среднестатистического носителя языка, иногда даже явно наивно-бытовую – это вполне естественно для художественного произведения, которое по определению не должно быть “перегружено” проблематикой сугубо научного свойства. Впрочем, нельзя не отметить, что те персонажи детективов А. Марининой, которым писательница “доверяет” размышлять о коммуникативно-лингвистических проблемах, как правило, личности думающие, старающиеся разобраться в себе и окружающих, осознанно

выработать некий кодекс собственного поведения, какой бы соответствовал (или хотя бы не противоречил) их морально-нравственным устоям.

Примером, демонстрирующим подобное отношение к использованию языка в собственной речи, могут служить довольно пространные рассуждения уже упоминаемого как персонажа иного произведения оперативника Артёма Сташиса (это один из “сквозных” для творчества Марининой персонажей) в романе “Смерть как искусство” об отношении к употреблению в речи своих коллег – представителей правоохранительных органов – специфических лексических единиц – профессиональных жаргонизмов (сленгизмов):

“– Ну, вы с самого начала всё время сомневались, что сможете разобраться в театре, а я не понимал, чего вы так боитесь и что тут такого сложного. А в тот момент понял. Меня как по башке шарахнуло. И еще меня их сленг убивает, когда все театральные деятели между собой разговаривают, я вообще ни слова не понимаю.

Да, насчёт сленга Антон прав, Настю тоже это смущает. И кстати, сам Антон, насколько она успела заметить, профессиональным сленгом розыскников тоже не отчего-то не пользуется. Ни разу за все дни, что они проработали вместе, Настя не слышала от него о “терпилах”, “износах”, “парашютистах”, “подснежниках” и “недоносках”. И Сережа Зарубин тоже отмечал эту его особенность. А что если спросить?

– Я – приверженец марксистско-ленинской философии, – со смехом пояснил оперативник. – Помните: бытие определяет сознание? Нет, я, конечно же, пользуюсь выражениями, принятыми в нашей профессиональной среде. И я, точно так же, как все, называю пистолет “волыной” и бегаю “получать корки”, но никогда не скажу “обезьянник”, потому что там находятся люди, живые люди, и к ним нужно относиться как к людям, а не как к обезьянам. Не зря же говорят: как корабль назовешь, так он и поплывёт. Если называть людей, тем более погибших, пренебрежительными выражениями, очень скоро и относиться к ним начинаешь пренебрежительно, а это для меня неприемлемо. Каждый человек – это целый мир, неповторимый и уникальный, даже если этот человек совершил преступление. Я не говорю, что преступников надо жалеть, ни в коем случае, но, если начать относиться к ним как к быдлу, очень скоро такое же отношение сформируется и к потерпевшим, и ты перестанешь им сочувствовать, а потом начнёшь точно также думать и о коллегах, и о соседях, и о членах собственной семьи. Тут только начни – и остановиться уже невозможно. Знаете, что случилось с моей сестрой?

– Знаю, – кивнула Настя.

– Мне нестерпима сама мысль о том, что кто-то мог назвать её “парашютисткой”. А ведь называли, я сам слышал. Мне было очень больно. А про мою маму оперативники сказали “висельница”. – Антон повернулся к Насте лицом, и ей показалось, что он сильно побледнел. Хотя в комнате царил полумрак, и она не была уверена. – Знаете, я в тот момент их чуть не убил. Я уже был слушателем и знал, что буду работать в розыске. **Вот тогда я твёрдо решил, что ни при каких условиях не только не скажу вслух, даже мысленно не назову человека каким-нибудь гадким пренебрежительным словом. Вот такое я ископаемое. Ну что, Анастасия Павловна, вам теперь будет труднее со мной работать?**” (во всех случаях выделено мною. – И. З.) [5, с. 344 – 346].

Примечательно, что свои мысли Антон Сташис озвучивает в диалоге с Настей Каменской – пожалуй, самой известной героиней детективного творчества Марининой, – которая, по нашим наблюдениям, достаточно часто является выразителем авторской точки зрения. И то, что мнение Антона по важной для него (и судя по всему, принципиально важной и для автора) проблеме высказано в разговоре именно с Каменской, безусловно, не случайно; как не случайно и то, что эти мысли сопровождаются комментарием Насти в форме несобственно-прямой речи (второй абзац приведённого фрагмента текста). Неслучайность подтверждается и явным интересом самой Насти к затронутой Антоном теме (ср. слова героини из принадлежащего ей фрагмента несобственно-прямой речи: “Да, насчёт сленга Антон прав, Настю тоже это смущает. И кстати, сам Антон, насколько она успела заметить, профессиональным сленгом розыскников тоже не отчего-то не пользуется. ... А что если спросить?”).

В беседе Антона Сташиса и Анастасии Каменской, по сути, поднята одна из важнейших проблем лингвистической экологии (о проблематике лингвистической экологии подробнее см. [9]) – необходимость выявления факторов, стимулирующих речевую агрессию, следствием которой в большинстве случаев становится и агрессивное поведение человека в принципе. Эта мысль достаточно чётко выражена, в частности, в приводимых далее словах Антона: “если начать относиться к ним как к быдлу, очень скоро такое же отношение сформируется и к потерпевшим, и ты перестанешь им сочувствовать, а потом начнёшь точно также думать и о коллегах, и о соседях, и о членах собственной семьи. Тут только начни – и остановиться уже невозможно”). Размышления Антона завершаются выводом, формулирующим один из осознанно исповедуемых этим персонажем моральных принципов, который вытекает из изложенной им позиции по поводу, на первый взгляд, частного и не связанного непосредственно с моралью факта – употребления в профессиональном общении представителей правоохранительных органов разного рода

сниженных номинаций, нередко имеющих криминальное происхождение (ср., к примеру, номинации “терпила” (о потерпевшем), “подснежник” (“Мил. Шутл. Ирон. Труп, найденный весной под растаявшим снегом” [6, с. 450]): *“Вот тогда я твёрдо решил, что ни при каких условиях не только не скажу вслух, даже мысленно не назову человека каким-нибудь гадким пренебрежительным словом”*.

Примечательно, что Антон не отвергает профессиональный жаргон абсолютно – он категорически против лишь того, чтобы лексические единицы подобного характера употреблялись **по отношению к людям**, в какой бы социальной ипостаси эти люди ни оказались: *“Нет, я, конечно же, пользуюсь выражениями, принятыми в нашей профессиональной среде. И я, точно так же, как все, называю пистолет “волыной” и бегаю “получать корки”, но никогда не скажу “обезьянник”, потому что там находятся люди, живые люди, и к ним нужно относиться как к людям, а не как к обезьянам”*.

В данном случае, как представляется, мы наблюдаем глубоко продуманное личностью, базирующееся на осознанных морально-этических принципах и – как следствие – очень бережное и взвешенное отношение к использованию языка в собственной речи; воспитание подобного отношения и входит в число главных задач лингвистической экологии. Анализ же речи персонажа с коммуникативно-стилистических позиций позволяет более глубоко и полно уяснить взаимосвязь, точнее – взаимообусловленность, даже взаимозависимость, между речью (речевым поведением) изображённой автором языковой личности и ее поведением в целом, совершаемыми человеком конкретными поступками (иначе говоря, акцентировать внимание на принципиально важных для коммуникативной стилистики художественного текста экстралингвистических факторах общения: личности автора и адресата; характере общения; ситуации, в которой общение осуществляется, и т. д.).

В рассмотренном фрагменте Антон Сташис формулирует собственное жизненное кредо очень точно, конкретно, даже с некоторой безапелляционностью, что, впрочем, вполне соответствует психологическому типу характера этого персонажа: Антон постоянно занимается самоанализом (в речи это, в частности, находит отражение в постоянном рефлексировании); старается максимально прояснить для себя причины как собственных поступков и побуждений, так и тех, что наблюдает у других; стремится к точности и определённости любых действий и формулировок.

Изложенными наблюдениями, безусловно, не исчерпываются те особенности идиостиля Александры Марининой, которые могут быть выявлены и проанализированы с помощью применения коммуникативно-стилистического подхода, – в данном случае нашей целью было

продемонстрировать достаточно широкие возможности рассмотрения художественного произведения современной писательницы в означенном аспекте. Представляется, что приведённые текстовые иллюстрации вполне убедительно подтверждают высказанные положения и позволяют наметить перспективы дальнейшего анализа, целесообразного как для уточнения ряда положений лингвистической коммуникативистики, так и для дальнейшей разработки ряда аспектов стилистики художественной речи.

Л и т е р а т у р а :

1. *Бацевіч Ф. С.* Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевіч. – К. : Вид. центр “Академія”, 2004. – 344 с.
2. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика художественного текста / Н. С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта; Наука, 2003. – С. 157-162.
3. *Быков Л. П.* Лингвистический натурализм текстов массовой литературы как проблема ортологии / Л. П. Быков, Н. А. Купина // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2006. – С. 104–111.
4. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2001. – 270 с.
5. *Маринина А.* Ангелы на льду не выживают : роман в 2-х т. – Т. 2 / А. Маринина. – М. : Эксмо, 2014. – 352 с.
6. *Маринина А.* Смерть как искусство. Кн. первая : Маски : роман / А. Маринина. – М. : Эксмо, 2011. – 352 с.
7. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина – СПб. : Норинт, 2000. – 720 с.
8. *Селиванова Е. А.* Основы теории текста и речевой коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. : ЦУЛ “Фитосоциоцентр”, 2002. – 336 с.
9. *Сиротинина О. Б.* Устная речь и типы речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – М., 1995. – № 4. – С. 94–105.
10. *Сковородников А. П.* Лингвистическая экология / А. П. Сковородников, Л. И. Скворцов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник ; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта; Наука, 2003. – С. 293–296.
11. Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности: антология. – М. : ИНИОН РАН, Институт славяноведения РАН, 2002. – 190 с.

***Зайцева І. П.* Мовленнєва комунікація у сучасному детективному творі: композиційно-естетичний та індивідуально-стилістичний аспекти.**

У статті пропонується інтерпретація детективних творів популярної сучасної письменниці Олександри Мариніної з позицій напряму, що сформувалося на етапі новітнього лінгвістичного знання: комунікативної стилістики художнього тексту. Наведений ілюстративний матеріал підтверджує доцільність та перспективність застосованого для аналізу художніх текстів підходу, за допомогою якого не тільки створюється можливість для більш глибокого та багатоаспектного сприйняття

комунікативного процесу, але їй виявляються характерні особливості авторського ідіостилю.

Ключові слова: комунікація, елементи комунікативного процесу, адресат, функціональна стилістика, ідіостиль.

Zaitseva I. P. Speech communication in the modern detective texts: compositional aesthetic and stylistic individual aspects.

The article offers the interpretation of the popular detective works of contemporary writer Alexandra Marinina from the point of the school formed at the stage of modern linguistic knowledge: the communicative stylistics of a literary text. The above illustrations confirm the reasonability and perspective of the approach applied for the analysis of literary texts, which identify the characteristics of the author's individual style.

Keywords: communication, the elements of the communicative process, addressee, functional stylistics, individual style.

Ю. А. Зеленская
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В ПОЭЗИИ З. ГИППИУС

Статья посвящена актуальным проблемам лингвометафорологии – метафорической репрезентации и концептуализации мира в художественном тексте. Описаны особенности метафорической картины мира и метафорической концептосферы поэзии З. Гиппиус, которые были выявлены в процессе семантико-когнитивного анализа метафорики ее стихотворных текстов.

Ключевые слова: метафора, метафорика, метафорическая картина мира, метафорическая репрезентация, метафорическая концептуализация, метафорический концепт, метафорическая концептосфера.

Метафорическая концептуализация мира как общее свойство человеческого мышления отображает образно-творческую интерпретацию окружающей действительности, в основе восприятия которой лежит социальный и личный опыт носителей определенной этнокультуры. Результаты данного когнитивного процесса закрепляются в языке в виде конкретных метафорических номинаций, которые выступают репрезентантами тех или иных метафорических концептов. Однако механизмы формирования метафорических концептов остаются до конца не выясненными, поэтому их изучение способствует установлению специфики национального и/или индивидуального мышления на конкретном этапе развития этноса.

Своеобразие метафорической репрезентации и концептуализации мира в художественном тексте вызывает в последнее время особый исследовательский интерес (И. В. Толочин, Ю. В. Кравцова, В. В. Рожков и др.). В связи с этим анализ метафорики поэзии З. Гиппиус, выявление и